

РЕЦЕНЗИИ

© 1997 г., ЭО, № 1

В.Е. Владыкин и п. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. 383 с.

Выпущенная в свет издательством "Удмуртия" рецензируемая книга профессора Удмуртского госуниверситета В.Е. Владыкина – первый капитальный труд по традиционной духовной культуре удмуртского этноса. Религиозно-мифологические представления удмуртов рассмотрены в монографии как сложная система со всеми присущими ей компонентами. Исследование традиционного мировоззрения удмуртов автор провел с позиций марксистской методологии, опираясь на известное положение, что "способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще" (с. 34).

Одним из основных условий жизнедеятельности этноса и функционирования его культуры автор считает природную среду, от которой человек зависел на всем протяжении своей истории. Эта среда в значительной степени воздействовала на формирование религиозных представлений и характер мифотворчества удмуртов. В книге дан интересный и целенаправленный экскурс в историю их хозяйственной деятельности. Однако трудно согласиться с мнением автора о том, что "удмуртское дореволюционное хозяйство в значительной степени было закрытой системой, с весьма архаическим комплексом материальной и духовной культур, консервативной идеологией" (с. 55). Такой вывод слишком архаизирует экономическое развитие удмуртской деревни, которая никогда не была изолирована от рыночных отношений, развивавшихся в Волго-Вятском крае.

Исторические основания становления картины мира удмуртов автор усматривает в истории формирования удмуртского этноса, в его этнокультурных связях с другими народами на протяжении длительного времени. В истории и этнографии удмуртов до сих пор остается открытой проблема этногенеза и начальных периодов их этнической истории. Ученый высказал свою точку зрения на эту проблему. Прародину удмуртов, где происходило складывание древнеудмуртских племен во второй половине I тыс. н.э. он помещает в бассейне среднего и нижнего течения реки Вятки. Отсутствие упоминаний удмуртов на страницах ранних письменных источников, по его предположению, объясняется тем, что они, наряду с коми, могли выступать под этнонимом "пермь". В этнической истории удмуртов особенно подчеркнуты их длительные или кратковременные контакты с различными соседними этносами, преимущественно тюркскими и русским, чем объясняются многие черты сходства в религиозно-мифологических системах удмуртов и других народов Волго-Камья.

Отметив "естественно-исторические основания" картины мира удмуртов, автор обратился к освещению главной проблемы монографии – становления и развития системы религиозно-мифологических представлений удмуртов о мире. При исследовании этой сложной проблемы были применены различные методы. Наиболее ярко выступает метод выявления "общего и особенного" в дохристианских верованиях удмуртов, ибо в ранних формах религии разных народов земного шара прослеживается много сходных черт и в то же время не исключается своеобразие в их религиозных системах. Для иллюстрации "общего" в языке удмуртов и других этносов в книге приведен обширный сравнительный материал не только по финно-угорским, но и по географически отдаленным от удмуртов народам.

Кроме того, в монографии использован семиотический метод, т.е. метод знакового анализа культурных явлений с целью ознакомить читателя с элементами знакового характера удмуртской традиционной культуры.

Много внимания в монографии уделено анализу структурных компонентов религиозно-мифологической системы мира удмуртов для воссоздания космической модели мира в их представлениях, которая выглядит как трихотомическая с небесным, подземным или водным мирами.

Отметив, что в мифологии многих народов земного шара модель мира рисуется в "образе мирового дерева", автор подчеркивает, что у удмуртов, как у лесного народа, было широко развито почитание деревьев и каждое из трех главных божеств – Инмар, Куазь и Кылдысин имело свое дерево, соответственно сосну, ель и березу. В книге представлены интересные сведения о культе священных деревьев у удмуртов.

Характеристика компонентов модели мира начата с верхнего, небесного мира, среди образов которого главное место занимает солнце. С этим миром связаны и другие небесные светила и такие природные явления, как "небо, воздух, атмосфера". Переходя к среднему миру, автор констатирует, что он слабее двух других освещен в удмуртской мифологии. Средний мир представлен преимущественно в мифах о

сотворении главным богом удмуртов (Инмаром) земли и человека. Много места в удмуртских мифах отведено нижнему, потустороннему, враждебному человеку миру, главную роль в котором играет водная стихия.

В книге рассмотрен языческий пантеон удмуртов, перечислены основные божества с указанием их функций; помимо собственно удмуртских, упомянуты и заимствованные у других народов. Ученый попытался определить слабо изученный в этнографии удмуртов статус служителей культа. Хотя удмуртское жречество не представляло собой организованной, строго определенной прослойки общества, ибо жрецы обычно выбирались из самых крестьян, автору все же удалось показать роль и значение жрецов в жизни крестьянской общины. В книге довольно сжато, но очень ярко нарисована картина жертвоприношений, показана роль отдельных жрецов в их организации и проведении, перечислены виды животных, которых приносили в жертву языческим богам и духам.

Давая общую характеристику язычества удмуртов, ученый подчеркнул, что в основе этой системы всегда находился человек в его "социальном и природном окружении" и воспринимался он через языческие идеи и образы, то есть был в центре религиозно-мифологической картины мира.

Привлеченный для раскрытия системы язычества удмуртов сравнительный материал позволил сделать вывод, что в основании картины мира удмуртов лежат компоненты, свойственные в далеком прошлом всем финно-угорским народам и другим соседствовавшим с ними древним этносам. Что же касается "особенного" в язычестве удмуртов, то в монографии сделано заключение, что это особенное существует, но не носит ярко выраженного характера, проявляясь преимущественно в деталях языческой системы.

Много места в книге уделено конкретному описанию дохристианских религиозных верований удмуртов, при этом В.Е. Владыкин использовал классификацию ранних форм религии, предложенную С.А. Токаревым, как "одну из самых документированных и оригинальных", в основу которой положен "социальный фактор". Из всех языческих культов особое внимание обращено на семейно-родовые и аграрные. При характеристике семейно-родовых культов автор не мог не остановиться на чисто удмуртском культурно-историческом феномене – "воршуде", в той или иной степени освещавшемся в большинстве работ по этнографии удмуртов. В рецензируемой монографии наиболее полно и всесторонне рассмотрен этот древний и далеко не простой культ, возникновение которого автор относит к первобытно-общинному строю, к эпохе материнского рода, так как еще в недалеком прошлом воршудное имя передавалось по женской линии. Рассмотрев существующие в литературе различные трактовки термина "воршуд", автор присоединился к мнению, что "этимология этого слова связана с древней и довольно распространенной в удмуртском языке дублетной формой, где обе части ("вор" и "шуд" – К.К.) суть синонимы (с. 275), означающие "счастье".

Среди семейно-родовых культов наиболее подробно освещен культ предков, который, по словам автора, "оказался очень стойким социокультурным феноменом у удмуртов" (с. 178), дожившим до наших дней. В монографии проанализированы природа этого культа и причины его длительного бытования, прослежены общие черты с этим культом у других народов. Главное же внимание заострено на выявлении его специфических черт, наиболее ярко выступающих в поминальных обрядах, особенно в обряде, связанном с жертвоприношением умершему ("йыр пыд сетог" – жертва головы и ног – у южных и "вино" – у северных удмуртов). Несомненной заслугой автора является сбор и интерпретация материала, преимущественно полевого, по этому обряду, который он расценивает как очень древний и самый главный в культе предков у удмуртов.

На страницах книги довольно ярко нарисована картина обрядовых действий, связанных с аграрными культами. В строгой последовательности с годовым циклом земледельческих работ рассмотрены все обряды, направленные на обеспечение урожая. Интересен экскурс в эволюцию одного из главных божеств аграрных культов – *Му Кылдысина* (божества земли), почитание которого, по мнению автора, восходит "к глубокой древности, возможно, к эпохе финно-угорской общности" (с. 180).

Особое место в монографии уделено проблеме религиозного синкретизма удмуртского общества. При этом главное внимание обращено на те влияния, которые оказали на язычество удмуртов мировые религии – ислам и христианство. Рассмотрев проблему исламизации Поволжья, начиная с эпохи Волжской Булгарии, автор пришел к выводу, что исламу не удалось до конца вытеснить языческие представления у принявшего эту религию населения, несмотря на то, что мусульманство "всегда характеризовалось довольно жесткой нетерпимостью к инаковерующим и постоянной экспансионистской направленностью" (с. 199). Ученый справедливо отмечает, что принятие ислама от татар частью поволжских финнов в итоге привело к полной татаризации последних. Подобную участь испытали некоторые группы южных удмуртов, живших в сфере влияния Булгарского государства и затем Казанского ханства. Однако вызывает сомнение высказывание автора о том, что "весь удмуртский этнос в той или иной степени находился под длительным тюркским прессом" (с. 200). Известно, что разные группы удмуртов в различной степени испытали влияние тюркских народов, но вряд ли можно доказать, что все удмурты длительное время находились под давлением тюрков.

Касааясь вопроса тюркского воздействия на удмуртов, автор развил далее высказанную им ранее точку

зрения на нерешенную до сих пор в науке проблему происхождения бесермян. Он видит в них группу южных удмуртов, принявших под влиянием Булгар ислам и некоторые элементы булгарской культуры, а затем, после разгрома монголо-татарами Булгарского государства, переселившихся на север Удмуртии, в бассейн р. Чепцы. Этот взгляд автора на происхождение бесермян, имеющий под собой довольно веские основания, заслуживает серьезного внимания, но он, как и другие попытки решения данной проблемы, не снимает многих вопросов, связанных с формированием этой этнической группы.

Большой раздел книги посвящен диалектике "взаимодействия религиозно-мифологической картины мира и системы идеологических установок дореволюционного удмуртского общества". Здесь наиболее подробно рассмотрены представления удмуртов о пространстве и времени, которые являются неотъемлемой частью их мировоззренческой системы.

Несомненный научный интерес вызывает стремление автора последовательно проанализировать систему календарных обрядов, совершаемых в течение года, так как в них, по его словам, содержится "наиболее подробная, порой до деталей, религиозно-мифологическая информация, сосредоточенная в замкнутой годовой цикличности, обладающая значительной архаичностью и консервативностью" (с. 225). В результате читатель впервые получает полную картину календарных обрядов удмуртов, нарисованную почти целиком на основании собранных автором полевых этнографических материалов во время экспедиций к разным группам удмуртов. Останавливается В.Е. Владыкин и на давно разрабатываемых им вопросах о "структуре и социокультурной иерархии дореволюционного удмуртского общества". Довольно позднее появление удмуртов в письменных источниках под именем "вотяки" (середина XV в.) объясняется тем, что ранее они были известны под другими этнонимами. Автор придерживается высказанного им ранее предположения, что первые сведения об удмуртах содержатся в источниках XII–XIII вв., где они выступают под терминами "ар", "вьяда", "Ведин" (земля Ведин). Что касается термина "ар", то в более поздних источниках встречаются упоминания об "арах", "арянах", "арских людях", "арских князьях". При рассмотрении данных терминов в контексте, создается впечатление, что термин "ар" со всеми его производными имеет более широкое содержание, нежели как этноним, обозначающий только удмуртов. Относительно термина "вьяда", то, кроме созвучия с названиями "вотьяк", "отьяк", никаких других доказательств его прямой связи с этнонимом "удмурт" нет.

Важной, еще далеко не решенной проблемой является структура удмуртского этноса, поэтому очень ценны приведенные автором конкретные материалы, в том числе его полевые исследования, позволяющие более глубоко проникнуть в суть данной проблемы. При освещении социальной структуры удмуртского общества основное внимание обращено на особенности "воршудной организации", соседской общины, патронимии, большой и малой семьи у удмуртов в дореволюционное время, затронут также вопрос об удмуртском жречестве.

В последнем разделе книги автор коснулся "идеального устройства мира" в религиозно-мифологических представлениях удмуртов. Он впервые попытался проанализировать материалы из "народной социальной утопии", содержащиеся в обращенных к языческим божествам заклинаниях-молитвах, сохранившихся в памяти народа, особенно его жреческой прослойки. Главным содержанием этих молитв была просьба к богам обеспечить успешное ведение хозяйства и оградить семью от всяких бед и напастей. Как пишет автор, "в удмуртских заклинаниях-куриськонах совершенно отсутствует мотив активного переустройства социальных отношений, противоборства с несправедливостью, напротив, всячески подчеркивается смирение, готовность подчиниться существующим, пусть и несправедливым, порядкам, законопослушание" (с. 305).

Таким образом, В.Е. Владыкин, собрав воедино разбросанные по многочисленным источникам материалы, присовокупив свои собственные многолетние полевые изыскания по традиционной культуре удмуртов, используя новейшие методы исследования, создал неординарный труд по этнографии удмуртов.

К. И. Козлова